

АРА ЕРНДЖАКЯН

СОНАТА ДЛЯ ВИОЛОНЧЕЛИ СОЛО

Драма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ОН

ОНА

ВИОЛОНЧЕЛИСТ – Девушка в черном платье.

ГИД, ЭКСКУРСАНТЫ

*На сцене развешаны пустые багеты.
У стены несколько стульев.
В углу девушка – виолончелист сосредоточенно
канифолит смычок и расставляет ноты.
В центре Он и Она.
Она рассеянно рассматривает “картины”.
Он с любопытством ее разглядывает.
Мимо них шумно проходит группа экскурсантов,
возглавляемая гидом...*

ОН – Вы любите живопись?

ОНА – Простите?..

ОН – Я спрашиваю, Вы любите живопись?..

ОНА – А Вы у всех это спрашиваете?

ОН – Нет.

ОНА – Чем же я заслужила такое внимание?

ОН – Я уже видел Вас в этом зале три дня назад...

ОНА – Ну и что?

ОН – Я...

ОНА – Вы здесь работаете?

ОН – Нет, я рядовой посетитель.

ОНА – *(Довольно резко)* Так вот, послушайте, рядовой посетитель...
Вам что же, делать нечего?

ОН – Не понимаю, почему Вы сердитесь?

ОНА – Простите, это нервы... Так что Вас интересует?
Ах да, люблю ли я живопись? Да, очень. Это мое хобби.

*Она взвинчена. Он – напротив, спокоен.
Более того, на первый взгляд настроен на легкий флирт.*

ОН – Хобби?

ОНА – Да.

ОН – И давно?

ОНА – Сколько себя помню. Вам еще что-то нужно?
Или я свободна? *(Все своим видом показывая, что разговор
окончен.)*

ОН – Ну, зачем Вы так?

ОНА – Как?

ОН – Может, у меня сегодня день рождения... *(Еще одна попытка
завязать разговор.)*

ОНА – Может, или...

ОН – Если от этого зависит моя судьба, то, разумеется, да!

ОНА – Ваша судьба...

ОН – Знаю, в моих руках.

ОНА – ... Меня не интересует.

ОН – Понимаю, Вас интересует, как меня зовут, чем занимаюсь,
сколько мне исполнилось.

ОНА – *(Механически)* И сколько Вам исполнилось?

ОН – 33.

ОНА – *(Не смотря в его сторону)* О, Вы хорошо сохранились.

ОН – Косметика, знаете ли ... *(Заученные фразы для подобного рода знакомств.)*

ОНА – *(По-прежнему не смотря в его сторону)* Не в этом смысле.

ОН – Простите, а в каком?

ОНА – *(Наконец, посмотрев на него в упор, чеканя каждое слово)*
Порядочные люди в Вашем возрасте пьют уксус на Голгофе.

ОН – Так я бы с удовольствием, но меня никто не хочет поцеловать.
Ни один Иуда. Всем предлагал... Вот и подумал, может Вы...

ОНА – Я?.. *(Усмехнувшись)* Я бы попробовала, но боюсь, Вам это не поможет.

ОН – Вы что, в себе не уверены?..

ОНА – В себе-то я как раз уверена... *(С презрением)* А вот что касается Вас...

ОН – *(С наигранным вниманием)* Слушаю.

ОНА – *(Свысока)* Видите ли, как бы Вам это популярнее объяснить? Ну, в общем, дело в том, что Христа распяли не потому, что его поцеловал Иуда. Это еще недостаточное условие...

ОН – Но необходимое!

ОНА – Необходимое?... *(задумавшись)* может быть...

*Звучит мелодия – музыкальная тема спектакля.
Вначале они не обращают внимания.*

ОН – Так, может, стоит рискнуть? Я тоже много страдал, имею, что сказать людям.

ОНА – Ну, это я заметила.

ОН – Не надо иронизировать. Я, в самом деле, интересный собеседник.

ОНА – *(Иронично)* Вот именно, собеседник...

ОН – И потом, возраст...

ОНА – Что возраст? Ах да...

ОН – Вот видите, все сходится, дело только за Вами.

ОНА – В смысле за Иудой?

Ну, я пойду... *(В самом деле, собирается уйти.)*

ОН – *(Отчаянная попытка)* Подождите, я Вам еще не все сказал.

ОНА – Как-нибудь в следующий раз.

ОН – И потом, Вы забыли про день рождения.

ОНА – *(Механически)* Поздравляю.

ОН – Спасибо... Вы не хотите мне ничего пожелать?

ОНА – Будьте здоровы!

ОН – И все?

ОНА – И постарайтесь впредь не быть таким назойливым.

ОН – Откровенно говоря, я рассчитывал на большее.

ОНА – С какой стати?

ОН – Как с какой? 40 тысяч лет существует разумное человечество.

Последние 33 года – это и я. Разве этого недостаточно?

ОНА – *(Заметно успокоилась и ведет диалог с видом человека, который гораздо умнее собеседника)* Ну что ж, история разумного человечества всегда была полна недоразумений. И последние 33 года – не исключение.

ОН – *(Наигранно)* Вы ужасная женщина.

ОНА – Спасибо.

ОН – В самом деле. С Вами невозможно вести светские беседы.

ОНА – По-Вашему, мы ведем светские беседы?

ОН – Нет, но...

ОНА – Просто Вы говорите глупости.

ОН – *(Почти искренне)* Послушайте, а как Вы прикажете мне флиртовать. Должен же я чем-то привлечь внимание к моей скромной персоне.

ОНА – Да, но не так примитивно.

ОН – Ну, тут уж, чем богаты... Впрочем, если судить по отзывам современников...

ОНА – Как Вы себя любите.

ОН – Не себя, а свой возраст.

*Она уже почти им заинтересовалась.
По крайней мере, что-то ее удерживает рядом с ним.*

ОНА – Ну, хорошо, себя в этом возрасте. Кстати, а Вы сами пробовали поцеловать?

Этот вопрос и несколько последующих фраз они произносят неожиданно серьезно, каждый думая о чем-то своем.

ОН – Да.

ОНА – Не в этом смысле.

ОН – А в каком?

ОНА – В смысле, как Иуда...

ОН – *(Пауза. Он долго смотрит на нее)* Пробовал...

ОНА – Ну и как?

ОН – Кажется, удачно. *(Пауза)* Вы знаете, я не шучу.

ОНА – *(Пауза)* Догадалась.

ОН – И Вас это не смущает?

ОНА – Нет... не знаю...

ОН – Вы, в самом деле, удивительная женщина.

ОНА – Спасибо за комплимент.

ОН – Это не комплимент... Кстати, если хотите знать – вся эта история с 30 серебряниками мне всегда казалась чересчур надуманной. Вы так не считаете?..

ОНА – Я?.. Я как-то не думала об этом.

ОН – Вот-вот, никто ни над чем серьезно не задумывается. Все принимается на веру и зависит от того, как нам это все преподносят, в какой обертке, если хотите...

ОНА – Да, но Иуда...

ОН – Не спешите делать выводы... Может, Иуду тоже оклеветали... незаслуженно оклеветали...
Не исключено, что именно он, Иуда, и достоин всего того, чем мы награждаем его коллег.
История знает очень много таких вот примеров...

ОНА – Да, но дело в том, что с Иудой все слишком ясно.

ОН – Нет!

ОНА – Вот как? *(Она продолжает принимать его несерьезно.)*

ОН – Иуда, как Вы помните, был не просто учеником Христа. Он был его любимым учеником!.. Более того, он был его казначеем.
Казначеем – понятно Вам?!

ОНА – Ну и что?

ОН – Следовательно, Иуда свободно распоряжался всеми финансами Христа и апостолов! Как Вы думаете, Христос сделал бы Иуду казначеем, если бы...

ОНА – Если бы...

ОН – *(Он возбужден, почти кричит.)* Если бы сомневался в его честности.

ОНА – Вначале, может, он действительно был таким... честным, но потом... эти 30 серебряников...

ОН – Да поймите Вы, деньги тут не при чем.
Иуда выполнял свой долг!..

ОНА – Долг?..

ОН – Да... гражданский долг... Извините...

Вступает музыкальная тема.

ОН – А скажите, какому направлению Вы отдаете предпочтение?

ОНА – Не поняла.

ОН – Я имею в виду живопись. Вы, насколько помню, увлекаетесь этим.

ОНА – Да...

ОН – (*Оправдываясь, точнее, делая вид*) Просто мне надоело говорить глупости.

ОНА – Я не хотела Вас обидеть.

ОН – Ну что Вы...

Итак, какому направлению Вы отдаете предпочтение? Кубизм, поп-арт, пуантилизм...

ОНА – (*Несколько растерянно*) Пуантилизм...

ОН – Что?

ОНА – Отдаю предпочтение...

Флирт кончился.

*Они поменялись ролями, теперь Она несколько растеряна.
Такое ощущение, что он вкладывает в фразы какой-то другой смысл.
Все это отдаленно напоминает допрос.*

ОН – Но в этом музее нет картин пуантилистов. В галерее, если не ошибаюсь, есть Сёра.

ОНА – Да, там действительно очень хорошие работы... (*вспоминая имя художника*) Сёра. А сюда я прихожу, чтобы сравнивать (*она почти растеряна*).

ОН – Что?

ОНА – Ну как что? Сёра и этих художников.

ОН – Да?

ОНА – Да!

ОН – А Вы знаете, я вспомнил, в галерее нет Сёра.
(*Почти злорадствуя.*) Я ошибся.

Она отходит.

ОН – Странно.

ОНА – Что именно?

ОН – Странно, что Вы приходите именно в этот зал музея.

*Ее раздражает его тон, но какая-то сила
заставляет отвечать на вопросы, оправдываться.*

ОНА – Почему странно?

ОН – Не знаю...

ОНА – Здесь... здесь уютно, я... я здесь отдыхаю.

ОН – Но планировка музея во всех залах одинакова.

ОНА – Да, но картины.

ОН – Значит, все дело в картинах?

ОНА – *(Неожиданно резко)* Нет!

ОН – Тогда в чем? *(Такое ощущение, что он знает ответ, но его
устраивает роль мучителя.)*

ОНА – *(Взорвавшись)* Послушайте, по какому праву Вы меня
допрашиваете?

ОН – Просто мне показалось.

ОНА – Вы ошиблись!

ОН – *(С многозначительной улыбкой)* Ну тогда извините.

ОНА – Я пойду.

ОН – Вы уходите из-за меня?

ОНА – *(Ищет предлог, чтобы остаться)* При чем тут Вы, у меня дела...
Какая чудесная музыка.

ОН – Она Вам нравится?

ОНА – Да.

*Музыка звучит громче.
Оба слушают.*

ОН – Она всегда звучит в этом зале.
Говорят, художник очень любил под нее работать.

ОНА – *(С наигранным безразличием)* Да? Что Вы говорите?

ОН – *(Допрос продолжается)* А Вы не знали?

ОНА – Нет.

ОН – Его убили.

ОНА – Что?

ОН – Его убили...

ОНА – Как “убили”?..

ОН – Вас интересуют подробности?

ОНА – Что?.. Нет, нет... меня это не интересует.

ОН – Не интересует?

ОНА – Нет!

ОН – Как же так?..

ОНА – Очень просто... Я не понимаю, что Вас так удивляет?..

ОН – Но... но ведь Вы только что сказали, что любите живопись.

ОНА – Да.

ОН – Стало быть, Вам не должна быть безразлична судьба художника...

ОНА – Я люблю живопись вообще!

ОН – Ах, вообще!..

ОНА – Да, вообще!..

ОН – Странно...

ОНА – Что странно?.. Почему странно?..

ОН – Любите живопись вообще, а приходите именно в Этот зал смотреть работы Этого художника.

ОНА – Что Вам от меня нужно?

ОН – От Вас?.. ничего. Скажите, а правда, у него очень необычный синий цвет...

ОНА – ...Да... необычный.

ОН – Я бы сказал тревожный.

ОНА – Да... наверное...

ОН – Успокойтесь, Вы очень взволнованны.

ОНА – Да нет, с какой стати?

ОН – Вот и я думаю, с какой стати...

ОНА – Чушь какая-то...

ОН – *(Довольно долго разглядывая ее)* И все-таки я против того, чтобы картины помещали в рамы. Рамы – они сковывают воображение.

ОНА – Да, сковывают...

ОН – Хотя иногда хороший багет чем-то дополняет полотно, делает красочнее, что ли...

ОНА – Иногда, да...

*Оба чувствуют,
насколько нелепо выглядят ее поддакивания.*

ОН – У Вас очень красивые глаза... Мне кажется, я Вас где-то уже видел...

ОНА – Очень может быть.

ОН – Нет, в самом деле...

ОНА – Так, ведь Вы сами говорите, что три дня назад...

ОН – Три дня назад у меня было то же ощущение...

ОНА – Когда Вы флиртуете, Вы становитесь довольно банальным.

ОН – Таков закон жанра.

ОНА – Что?

ОН – Закон жанра... Флирт уже подразумевает банальность. В противном случае это уже был бы не флирт, а...

ОНА – Да... Вы правы... *(Собирается уйти.)*

ОН – А, в самом деле, почему Вы ходите в этот музей?

ОНА – Ну, знаете, это уже становится назойливым.

ОН – И тем не менее...

ОНА – Послушайте, я же не спрашиваю Вас, почему Вы приходите сюда. Насколько я понимаю, Вы отсиживаетесь в этом зале ничуть не меньше меня.

ОН – Да.

ОНА – Вот видите! И я не вижу в этом ничего необычного.

ОН – В самом деле?

ОНА – В самом деле.

ОН – (*Вспомнив что-то*) Да нет, просто Вы меня не замечали эти три дня! Вы слишком были заняты собой, картинами.

ОНА – И, тем не менее, я и теперь не собираюсь придавать этому какое-либо значение. Мало ли причин, чтобы здесь находиться?..

ОН – Может быть, Вы и правы...

Пауза.

ОНА – Вы работаете в газете?

ОН – Что?

ОНА – Я спрашиваю, Вы журналист?

ОН – Нет, а почему Вы так думаете?

ОНА – Вы очень бесцеремонны...

ОН – В каком смысле?

ОНА – В обращении.

ОН – Не понял.

ОНА – Ну что тут непонятного?.. Вы забываете, что перед Вами женщина и что мы с Вами, в общем-то, незнакомы.

ОН – Так давайте познакомимся. Мне кажется, давно пора!

ОНА – Как-нибудь в следующий раз.

ОН – Но...

ОНА – Поверьте, так будет лучше.

ОН – Ну, как хотите...

ОНА – Видите ли, не скрою, мне с Вами было в меру интересно.
Вы меня немного позабавили... отвлекли, за что я Вам весьма признательна, но дело в том, что я очень трудно схожусь с людьми и редко ищу новых знакомств...
Поэтому, если не возражаете, давайте оставим все так, как есть... не раскрывая скобок... ладно?

ОН – Ладно.

ОНА – Вот и хорошо.

ОН – Ну что ж, простите, если я... если я был в чем-то не прав...
Просто мне показалось...

ОНА – Вам, в самом деле, показалось!

ОН – ...Что Вы не случайно здесь...

ОНА – Ерунда какая-то!

ОН – ...Что Вы приходите сюда, потому что лично знали художника...

ОНА – Чушь!

ОН – Почему чушь?

ОНА – Ну, потому что чушь и все!!!

ОН – *(Резко)* Послушайте, Вы регулярно приходите сюда, в этот зал, к этим картинам, проводите здесь весь день и при этом отрекаетесь от всего этого. Очень активно отрекаетесь!

ОНА – *(Растерянно)* Вам... Вам это показалось.

ОН – Нет.

ОНА – Ну и что... прихожу... ухожу... ну и что?!

ОН – Ничего, но...

ОНА – Что “но”?!

ОН – Но согласитесь, это не очень логично!

ОНА – *(Возбужденно)* Не логично? А все остальное логично?
Все, что Вас окружает, логично?! Скажите, логично?..

ОН – Нет, но все же...

ОНА – Ну, хорошо, допустим, я его знала... Допустим... что из этого?..

ОН – Ничего... только почему Вы это скрываете?..

ОНА – Что?

ОН – Что Вы с ним были знакомы.

ОНА – По-Вашему, я должна ходить и рассказывать об этом первому встречному?

ОН – Нет, конечно... но отрицать очевидное с таким упорством...
Вам не кажется, что это несколько странно?..

ОНА – Нет, не кажется...

ОН – Его убили в расцвете таланта... так, по крайней мере, пишут газеты... Вы тоже так считаете?

ОНА – Я не читаю газет, и потом... потом его не убили... он сам...

ОН – Сам?..

ОНА – Да...

ОН – *(Усмехнувшись)* Ну, в конце концов, человек всегда умирает сам...
Другое дело, что ему в этом помогают... иногда...

ОНА – Что Вы хотите сказать?

ОН – Ничего... так Вы считаете, что он умер сам... без чьей-либо помощи?..

ОНА – Что значит “я считаю”?

ОН – Ну, в том смысле, что, очевидно, у Вас есть основание так думать?

ОНА – Послушайте, неужели нельзя поговорить о чем-нибудь другом.
Что Вас так волнует?

ОН – *(Улыбаясь)* Может, мне нравится, как Вы сердитесь.

ОНА – Это уже патология!

ОН – Что ж, Вы, вижу, не менее бесцеремонны в обращении.

ОНА – Может быть, но я, по крайней мере, не задаю бестактных вопросов.

ОН – А разве я задавал бестактные вопросы?

ОНА – Не знаю, может, я преувеличиваю, но... но интонация... Ваша интонация... Такое ощущение, что Вы ведете следствие.

ОН – Неужели?

ОНА – Да...

ОН – Ха-ха, а ведь во всем виноваты Вы...

ОНА – То есть, как – я?

ОН – Очень просто, Вы не хотите утолить мое естественное любопытство. Вы не отвечаете на мои вопросы...

ОНА – Но, позвольте, с какой стати?

ОН – ...безобидные вопросы...

ОНА – Я спрашиваю Вас, с какой стати?!

ОН – ...если бы Вы мне сразу ответили...

ОНА – Прекратите сейчас же!!!

ОН – Извините... Так значит, он умер сам?..

Она не отвечает.

ОН – Ну, собственно, это мало что меняет, правда? Главное, что его нет в живых... не так ли? *(Это настоящая пытка.)*

ОНА – Да, наверное...

ОН – Или Вы так не думаете?

ОНА – *(Продолжает возражать при каждом вопросе)* Как?..

ОН – *(Поменяв интонацию. Довольно резко.)* Откуда Вам известны?..

ОНА – Что?..

ОН – Подробности.

ОНА – Какие подробности?

ОН – Что его не убили, *(усмехнувшись)* что он сам...

ОНА – Оставьте меня в покое.

ОН – Я хочу Вам помочь.

ОНА – Я ни в чем не нуждаюсь!

ОН – Вы уверены?

ОНА – Да!

ОН – Ну, как знаете...

ОНА – Я пойду...

ОН – Идите. *(Уверен, что Она никуда не уйдет.)*

ОНА – Выкурю сигарету и пойду. *(Закуривает.)*

ОН – Вы давно его знали?

ОНА – *(Несколько справившись с нервами.)* Я Вам не говорила, что мы были знакомы.

ОН – То есть как?

ОНА – Я сказала “допустим”... допустим, что знакомы, что из этого?

ОН – Так Вы были с ним знакомы?

ОНА – Нет!

ОН – Ну да, до того, как Вы познакомились, Вы действительно не были знакомы.

ОНА – *(Зло)* Вы, в самом деле, довольно примитивно шутите.

ОН – *(“Экзекуция” продолжается)* Простите, так значит, Вы с ним были незнакомы. И сюда Вы пришли случайно, ...или не случайно – вот в чем вопрос?.. Как Вы думаете, я смог бы сыграть Гамлета?..

ОНА – Вы сумасшедший?

ОН – *(Резко)* Нет, и Вы это отлично знаете!
(Сменив интонацию.) Так значит, Вы пришли сюда...
Ах, да, ...Вы просто любите живопись... Жаль...

ОНА – Что?

ОН – Жаль, что в этом музее нет Сёра. Он был великий художник.
Да что я Вам говорю, Вы сами отлично знаете...

ОНА – Ничего я не знаю.

ОН – Я про Сёра...

ОНА – У Вас отвратительная манера говорить загадками.

ОН – Да?.. Я и не знал.

ОНА – Теперь будете знать... Ну, я пойду.

ОН – Идите... *(вдогонку)* “Среднего роста, правильные черты лица,
короткая стрижка, глаза...”

ОНА – Что это?

ОН – Приметы убийцы.

ОНА – Откуда Вы знаете?

ОН – От него.

ОНА – Разве... разве он жив?

ОН – Теперь нет, но он успел описать своего убийцу.
(Резко.) Слышите? Успел описать и довольно подробно!
Так сказать, набросал словесный портрет.
Это был последний портрет бедняги.

ОНА – Прекратите!

ОН – *(Подходит к ней)* Вам нельзя сюда приходить. Вы очень
неосторожны.

ОНА – Но я... я ничего такого не сделала.

ОН – Может быть, но Ваша внешность...

ОНА – *(Очень неловко)* Я Вам нравлюсь?

ОН – Не в этом дело... я сравниваю (*разглядывая ее*) – “среднего роста, короткая стрижка...”

ОНА – Перестаньте, слышите!

ОН – Вы не должны меня бояться.

ОНА – (*Пытается разыграть беспечность*) Я и не боюсь. С какой стати. Послушайте, что Вы от меня хотите? Вы случайно не...

ОН – Нет, я работаю в другом месте.

ОНА – Тогда откуда Вы знаете...

ОН – Это не имеет значения. У вас есть, где спрятаться?

Она молчит.

ОН – Это хуже...

Вновь вступает музыка.

ОНА – Господи, опять эта музыка...

ОН – Она же Вам нравилась?

ОНА – (*Делая усилие*) Она и теперь мне нравится.

Очередная музыкальная пауза.

ОН – Почему Вы убили его?

ОНА – Я?!

ОН – Да, Вы!.. Вы пришли к нему в мастерскую...

ОНА – Нет!!!

ОН – ...Он был один...

ОНА – Нет!..

ОН – Он ждал Вас...

ОНА – Я... я не убивала его!

ОН – Это неправда!

ОНА – Правда!

ОН – Нет!

ОНА – Да!

ОН – Но он мертв!

ОНА – Да, мертв... А почему я должна нести за это ответственность.

ОН – Все это от несовершенства общества. Так сказать, издержки юриспруденции... Если кого-то убили...

ОНА – Я... я не убийца.

ОН – Тогда кто Вы?..

ОНА – Почему я должна Вам верить?

ОН – У Вас нет выбора.

Пауза.

ОНА – У него случился приступ.

ОН – Сердце?

ОНА – До этого ничего подобного не было. То есть было, конечно, но такой сильный – случился впервые. Он задышался...

ОН – И тогда Вы...

ОНА – Я растерялась, не знала, что делать.

В аптечке нашла какое-то лекарство... он сам попросил... Потом ему стало хуже. Я испугалась и убежала... Я понимаю, что не должна была так поступить.

Но, поверьте, я была одна, я сильно испугалась.

Нет, я больше не могу...

ОН – Почему Вы не вызвали врача?

ОНА – Не знаю, я думала, что все пройдет. Это же было не впервые. И потом, я растерялась...

Оба долго молчат.

ОН – Вы были его любовницей?

ОНА – Я обязана отвечать?

ОН – Нет, конечно, извините.

ОНА – Ах, не надо церемониться. После того, что Вы тут наговорили...

ОН – Вы этого не заслужили?

ОНА – Нет.

ОН – (*Усмехнувшись*) Может быть, Вы и правы, в конце концов, ни одна женщина на свете не заслуживает того, чего она достойна.

ОНА – Не знаю...

ОН – Вы немного успокоились?

ОНА – Да... что мне делать?

ОН – Жить...

ОНА – Вы поэтому устраивали мне допрос?

ОН – Нет, не только. Но это самое главное, что я хотел Вам сказать.

ОНА – Я не могу. Я не могу уйти... забыть.
Он меня преследует... Эти картины... Они всюду...
Боже, что мне делать...
Они преследовали меня еще тогда, когда он был жив.
Я ненавижу его! Ненавижу эти картины!..
Он нарочно их писал. Он издевался надо мной.
Я надеялась, что после его...

ОН – ...Смерти...

ОНА – (*Смотрит на него с ненавистью*) Да... я обрету покой.
Но, наверное, этому не будет конца. Я сойду с ума!.. (*У нее истерика.*)

ОН – (*Хватает ее за плечи*) Успокойтесь...

ОНА – Оставьте меня. Оставьте! Что Вы хотите!
Идите, расскажите всем, что я убила его.
Да! Я убила! Убила! Убила!!!

ОН – Успокойтесь, слышите?

ОНА – Уходите!

ОН – Сюда могут войти, прекратите сейчас же!

ОНА – Ну что Вам еще нужно?.. Ведь я созналась во всем!

ОН – Нет.

ОНА – Что еще?

ОН – Я хочу знать, почему Вы его убили?

ОНА – Зачем?

ОН – *(Твердо)* Мне надо знать.

Вновь вступает музыкальная тема.

ОНА – Опять эта музыка.

ОН – Она же Вам нравилась.

ОНА – А теперь – нет.

Музыкальная пауза.

ОНА – *(Не то, чтобы успокоившись, но с каким-то фатальным безразличием)* Он у меня отнял все.

ОН – И Вы решили отомстить ему.

ОНА – Нет.

ОН – Да...

ОНА – *(Не оправдываясь, просто рассказывает. Ей необходимо выговориться)* До него все было просто.

ОН – Кому?

ОНА – Всем.

Он умел читать чужие мысли. Он говорил о том, о чем принято умалчивать. Ну, в смысле писал.

Представляете, как это ужасно.

Кто-то другой знает, читает ваши мысли.

И это не все, он на этом не успокаивается.

Он их раскрашивает и сует вам под нос – на, полюбуйся, какая ты дрянь! А кто не дрянь? Кто может этим похвастаться?

Вы? Или они?

Никто, никто, слышите? Он сам! Я уверена.

(Нервно ходит по залу.)

Мы хорошие, когда расчесаны и разукрашены, а попробуй нас раздеть, загляни туда, поглубже!

С ума можно сойти!
Только никто этого не делает. А знаете почему?
Всех это устраивает. Да-да, по какой-то высшей договоренности
люди воспринимают друг друга не такими, какие они есть на
самом деле, а такими, какими себя представляют, ну,
“прилизанными”, что ли...
Наверное, потому, что это удобно или безопасно...
А может потому, что никому нет дела до других, или еще по
какой-то причине.
И всех это устраивает... точнее не всех...

ОН – А не проще было бы Вам просто уйти от него?

ОНА – От него – да, а от себя?
Ведь я теперь знаю то, о чем до него лишь догадывалась.
Он заставил меня думать, знаете, как это страшно думать,
чувствовать, выставлять оценки... себе, другим... раньше ничего
такого не было...

ОН – Продолжайте.

ОНА – Он задавал вопросы, глупые, наивные вопросы, на которые
обычно никто не обращает внимания: ну, правильно ли устроен
мир, каково твое назначение на этом свете, в чем высший смысл –
он задавал их, но как-то по-другому, так, что нельзя было
промолчать, пройти мимо, не задуматься. Задавал вопросы,
которые не имеют ответов.
Он прекрасно знал об этом, но продолжал задавать.
Он мучил меня, себя, всех, кто его окружал.
Это был опасный человек. Опасный не только для своих близких.

ОН – Вы ищете себе оправдание?

ОНА – Нет... не знаю... Просто мне было необходимо выговориться...
Я уже не могла так... я стала рабой этих картин, этих дурацких
вопросов, себя...
Что мне делать?
Его нет – мне еще тяжелее...

ОН – Вы должны забыть эти картины, его...

ОНА – Нет, это невозможно.

ОН – Удивляюсь, как Вы могли решиться на такое... На это...

ОНА – Убийство?..

ОН – Да. В Вас нет достаточной решительности...

ОНА – (*Усмехнувшись*) Вы правы. А я его и в самом деле не убивала.
Я же говорю, у него был приступ – сильные боли... он попросил
меня дать ему что-нибудь успокаивающее.
Он очень хотел закончить работу...

ОН – И тогда Вы...

ОНА – Я дала ему две таблетки аспирина...

ОН – Но ведь Вы знали, что у него тромб и две таблетки аспирина для
него смертельная доза...

Пауза.

ОНА – Да, знала...

*Вновь вступает музыка.
Оба замороженно слушают ее.*

ОН – Она Вам больше не мешает? (*Имея в виду музыку.*)

ОНА – Нет.

Они продолжают слушать музыку.

ОНА – Что теперь будет?

ОН – Не знаю.

ОНА – Меня арестуют?

ОН – Вероятнее всего, да.

ОНА – Но почему, я ведь не хотела, я не знала...

ОН – Это Вы говорите мне?

ОНА – Да, и Вам!

ОН – Ладно, оставим это.

ОНА – Нет, скажите.

ОН – Вы были последняя, кто видел его живым.

ОНА – Ну и что?

ОН – Почему же Вы до сих пор не заявили об этом?

ОНА – Я не знала...

ОН – Вас ищут.

ОНА – Ищут?

ОН – Да... вероятнее всего, да.

ОНА – Но... Но почему? Ну что из того, что я последняя видела его?

ОН – А Вам не кажется подозрительным тот факт, что Вы до сих пор не заявили об этом.

ОНА – Но меня никто не спрашивал.

ОН – Это не имеет значения.

ОНА – *(Вдруг что-то вспомнив)* Постойте, почему Вы говорите, что я последняя видела его живым... А Вы...

ОН – Что?

ОНА – Разве Вы?..

ОН – Нет. Когда я зашел к нему в мастерскую, он уже был мертв.

ОНА – *(Начинает понимать, что стала жертвой чудовищного розыгрыша)* Откуда же Вам известны?..

ОН – Приметы убийцы?.. Я их не знал... я просто описывал Вас...

ОНА – Вы лжете!

ОН – С какой стати?

ОНА – Вы лжете!

ОН – Хорошо, лгу... Вы считаете, что это что-то меняет?

ОНА – Вы негодяй... Вы шантажист! Фу!

Как мерзко, как низко...

Я... я ничего Вам не говорила.

Я Вас не знаю.

У меня было свободное время, и я... я решила провести его в музее...

Вы ничего не докажете. Вам никто не поверит.

Я ничего не знаю. И знать не хочу.

Музыка звучит громче.

ОНА – Опять эта музыка. Почему эта музыка... Это ужасно...
Уберите ее... Она меня преследует.

ОН – Это невозможно.

ОНА – Я ничего не знаю, слышите? Это все неправда!

ОН – Прекратите истерику! Я никуда не собираюсь заявлять.
Неужели Вы так и ничего не поняли?
Хотите сигарету?

ОНА – Да. *(Оба закуривают.)*

ОН – Так вот. Он действительно был мертв, когда я зашел в мастерскую.

ОНА – Почему же Вы подумали, что это я...

ОН – Скажем так, я знал о Вашем существовании. Ну, видел Ваш
портрет, и потом он сам рассказывал. А три дня назад...

ОНА – Что три дня назад?..

ОН – Три дня назад я впервые увидел Вас здесь... и мне пришло в голову,
а вдруг...

ОНА – *(Теперь она ясно видит, в каком нелепом положении оказалась)*
Так Вы, в самом деле, ничего не знали?..

ОН – Нет, я же говорю... дальше Вам все известно.

ОНА – Как глупо все получилось.

ОН – Что Вы имеете в виду?

ОНА – Все.

ОН – Почему глупо, разве теперь Вам не легче?

ОНА – Легче?..

ОН – Да.

ОНА – Наверное, да... легче...

ОН – Зачем Вы приходите сюда?

ОНА – Не знаю...

Каждый день я даю себе слово, что не приду, но не могу.

ОН – Это может вызвать подозрения...

ОНА – Да, наверное... До сих пор я не придавала этому значения.

ОН – Вам надо уехать.

ОНА – Вы правы... я так и сделаю...
(*Вдруг чего-то испугавшись.*) А Вы...

ОН – Можете быть спокойны. Я не собираюсь никуда заявлять.

ОНА – Спасибо... А скажите, как Вы попали в его мастерскую?

ОН – Это не имеет значения.

ОНА – Нет, в самом деле.

ОН – Дверь... Вы забыли закрыть за собой дверь.

ОНА – Да, но почему Вы пошли туда?

ОН – Мало ли случайных людей заходило к нему в течение дня.
Скажем так, я один из его многочисленных поклонников.

ОНА – Поклонников?

ОН – Да.

ОНА – (*Настороженно, о чем-то догадываясь, вспоминая*)
Нет, на поклонника Вы не похожи...

ОН – На кого же я...

ОНА – Нет, нет, скорее наоборот.

ОН – Что значит наоборот?

ОНА – Не знаю. Вам лучше знать.

ОН – Вот я Вам и говорю – я один из его многочисленных поклонников.

ОНА – Нет, это неправда, я тоже Вас узнала – Вы его друг...

ОН – Что?

ОНА – Я Вас узнала!

ОН – Ошибаетесь!

ОНА – Нет!

ОН – У Вас действительно богатая фантазия.

ОНА – Не богаче Вашей.

ОН – Оставим комплименты... Так Вас интересует, кто я?

ОНА – Иуда!

ОН – Вот видите, мы опять вернулись к началу нашего разговора.

ОНА – Послушайте!

ОН – Ладно, допустим, Вы правы.

ОНА – Значит, Вы признаетесь.

ОН – Разумеется... если иметь в виду фантазию. Мне даже в некотором смысле приятно, что моя фантазия ярче, богаче... Вашей.

ОНА – Трус!

ОН – Вы не знаете, как меня оскорбить?

ОНА – Трус!

ОН – Допустим.

ОНА – Трус, трус, трус...

ОН – Хорошо, трус. Только давайте не будем придавать этому излишне большое значение.

ОНА – Почему же?

ОН – Видите ли, это тема для другого разговора.

ОНА – Вы не любите смотреть в зеркало?

ОН – Вы тоже, судя по тому, как Вы с ним обошлись.

Но дело не в этом, просто я не думаю, что моя персона в этом... деле... представляет какой-либо интерес, и вряд ли она достойна упоминания.

ОНА – Раньше Вас трудно было упрекнуть в скромности.

ОН – Просто Вы меня тогда плохо знали.

ОНА – Да, действительно, тогда я Вас плохо знала.

ОН – А теперь?

ОНА – А теперь узнала!

ОН – Ну вот и хорошо, наконец, познакомились.
А то как-то неловко получилось.

Музыка.

*Она подходит к нему и разглядывает в упор.
Он улыбается.*

ОНА – Значит, я не ошиблась, когда назвала Вас негодяем.

ОН – Повторяю, Вы ошибаетесь.

ОНА – Нет. Вы негодяй. Зачем Вы здесь, рядом с ним? Он мне говорил о Вас.

ОН – После того, что Вы совершили, у Вас еще хватает дерзости обвинять меня или кого-то другого в том, что мы, видите ли, плохо с ним поступили?

ОНА – Да! Я убила его. Но сделала это, ничего не соображая, и сделала это один раз. А Вы убивали его каждый день. Вы отравили ему жизнь Вашим мелочным существованием, склоками.

ОН – Вы с ума сошли.

ОНА – Нет!

ОН – Послушайте, Вы соображаете, что Вы несете?

ОНА – У Вас даже не хватает смелости признаться.

ОН – Признаться? Но в чем? В чем признаться?
В том, что совершили Вы?

ОНА – В том, что мы оба совершили!

ОН – Повторяю, не надо придавать моей скромной персоне чересчур большое значение. Она этого не заслуживает.

ОНА – Вот как Вы теперь заговорили...

ОН – Да, не надо мне приписывать чужие подвиги.

ОНА – Это не подвиг!

ОН – Тем более... тем более, что я так не думаю...

Музыка.

ОН – Эта музыка может любого вывести из себя.

ОНА – Теперь она не нравится Вам?

ОН – Она мне никогда не нравилась. Я, знаете ли, не люблю виолончель.
Это какой-то несовершенный инструмент.
Не скрипка, не контрабас, а что-то среднее... промежуточное...
Не люблю половинчатость.

ОНА – А люди?

ОН – Что люди?

ОНА – К ним у Вас те же критерии?

ОН – Да.

ОНА – Тогда почему Вы его ненавидели? Или, по-вашему, он тоже был...

ОН – Нет, он как раз являл собой, в некотором смысле, образец
завершенности, если можно так выразиться, но завершенности в
плохом смысле этого слова...
Вы когда-нибудь видели обряды погребения у диких народов –
очень интересно, цельно, но совершенно бессмысленно...
Так вот, в его завершенности была такая же бессмысленность.

ОНА – Вы не ответили на мой вопрос.

ОН – Почему я его ненавидел?

ОНА – Да.

ОН – Хорошо, я скажу. Да, я его ненавидел. Ненавидел так же, как и Вы,
а может, еще больше. Но только...

ОНА – Только...

ОН – Только не потому, что Вы думаете... Дело совсем в другом.

ОНА – В чем?

ОН – Да. Он был по-своему счастлив, может быть, счастливее многих других. У него было свое дело. Он знал, что сказать людям, и... его слушали.

Но повторяю, суть не в этом!

ОНА – Нет, в этом!

ОН – Ладно, как хотите.

ОНА – Просто он был талантливее Вас.

ОН – Только, пожалуйста, не делайте из меня Сальери.

ОНА – Почему же?

ОН – Ну, хотя бы потому, что Сальери был человек дела...

ОНА – Как я?!

ОН – Да. И потом – я, как Вы знаете, не художник. Поэтому не мог ему завидовать... профессионально.

Откровенно говоря, я ему вообще не завидовал.

Вы видели, как он жил, и Вы меня поймете.

Художников можно понять, жалеть, любить, ненавидеть, но... завидовать... Чему? Танталовым мукам или сизифову труду.

Извините за высокий слог.

ОНА – Преданности своему делу!

ОН – Чушь. Вы же не завидуете собакам только потому, что они всю жизнь преданы своим хозяевам.

ОНА – (*С презрением*) Вы не можете его понять. Вам это не дано.

И потом... это не сизифов труд... я точно знаю.

ОН – Сизифов, не сизифов... По крайней мере, такой же бесполезный.

Они переделывают мир только на своих картинах.

А жизнь подчиняется иным законам.

Незыблемым законам, неподвластным этим мазилам.

ОНА – Нет!

ОН – Ах, бросьте. Вот Вы же ведь не стали лучше... от общения с ним, с его работами... хотя для этого были все условия.

Идеальные условия. Нет, более того, Вы стали...

ОНА – Убийцей?!

ОН – Да, если угодно!

ОНА – Все правильно...

ОН – Вот видите.

ОНА – Я о другом.

ОН – Я тоже – смотрите проще на мир... И смотрите своими глазами...
Так вернее... ближе к оригиналу. Поверьте, жизнь заслуживает
этого. Точнее она ничего большего не заслуживает.

ОНА – Вы ищете оправдания своей бездарности.

ОН – Возможно. Но давайте поговорим трезво, без эмоций. Теперь, когда
мы с Вами, так сказать, познакомились, мне кажется, можем себе
это позволить.

Давайте сядем. *(Садятся.)*

Так вот, допустим, он был талантливее меня, других, всех. Он
видел дальше, знал больше. Ну и что. Что он дал людям... кроме
страданий? Взгляните хотя бы на себя...

ОНА – Оставим это.

ОН – Нет, почему же. Ведь в глубине души Вы оправдываете себя, меня...

А все остальное – это излишняя щепетильность.

Мы веками создавали критерии нравственности, воспевали их,
внушали своим детям, а они рушились при первом серьезном
испытании.

А знаете почему?

Потому, что все они надуманы и не имеют ничего общего с
естеством человека. С его истинным Я.

Откройте глаза. Перестаньте обманываться игрушками.

Человечество уже не в этом возрасте.

Змеиный яд излечивает многие болезни. Возможно. Но разве после
этого змеи перестали быть гадами? Разве смертельных случаев от
их укусов стало меньше?

Так давайте вещи называть своими именами.

Художник, если он действительно талантлив, опасен, как змея, а
польза от него ничтожная. Поэтому общество, сознательно или
бессознательно, боролось с этим.

Есть змеи, есть и мангусты.

Если есть художники, то должны быть и мы...

ОНА – Прекратите!

ОН – Как Вам угодно.

Пауза.

ОНА – Вы зашли к нему, чтобы убить его?

Пауза.

ОНА – Я сразу заметила, что Вы следите за мной. Но подумала, что Вы из этих, ну знаете, есть такие мужчины...

ОН – Вы не ошиблись...

ОНА – Нет, я ошиблась...

Скажите, а у Вас сегодня действительно день рождения?

ОН – Да.

ОНА – И Вам, в самом деле, исполнилось 33?

ОН – Да...

ОНА – *(Усмехнувшись)* Между прочим, в 33...

ОН – Знаю, Моцарт отравил Сальери... *(Эту реплику и далее он произносит почти механически.)*

ОНА – Может, наоборот?

ОН – Нет, я не ошибся.

В 33 Моцарт отравил жизнь Сальери, Наполеон отрёкся от трона, а Александр Македонский успел завоевать мир, имел 360 жен и выпил яд, приготовленный самим Аристотелем.

ОНА – Мне кажется, Вы перетасовываете даты...

ОН – Неважно...

33... В этом возрасте Иисус Христос был уже раз пять...

ОНА – Что?

ОН – В первый раз, когда в него не поверил Ирод.

Во второй раз, когда в него не поверил Фома.

В третий раз, когда в него не поверил Иуда.

В четвертый раз, когда в него не поверил Пилат.

ОНА – А в пятый раз?

ОН – А в пятый раз, когда он не поверил в себя.

ОНА – Его распяли как раз за веру.

ОН – Нет. Он не был так наивен... чтобы верить... чтобы продолжать

верить...

В 33 года во что-то верить, надеяться...

Нет-нет, он не был так безнадежно глуп, каким его пытаются нам преподнести...

Просто так он удобнее усваивается обществом... с пользой для дела. Для общего дела.

Был сын божий, страдал, надеялся и т. д. и т. п.

Будьте таким, как он, если сможете...

(Резко.) Нет, не можем, и знаете почему. Не хочется...

Вы когда-нибудь пробовали пить уксус?

Противно, правда?

Так вот, быть мессией не более приятная миссия.

ОНА – Вы очень много богохульствуете.

ОН – Не больше, чем Христос или Моисей.

ОНА – Как Вас понимать?

ОН – Очень просто. Я говорю то, что думаю. И поступаю так, как считаю правильным. И самое главное, я не рассказываю сказки про гору Синай, я не обманываю свой народ.

ОНА – Вас не устраивает Бог?

ОН – Меня не устраивают посредники.

ОНА – Что?

ОН – Бог, если есть, – он в каждом из нас: стремление к разуму – вот Бог. Он заложен в нас или общается с нами... непосредственно, неосознанно... божественно. А пророки, ладан, свечи – это все игрушки для дураков.

ОНА – В Вас, в самом деле, есть что-то от Христа, но только наоборот. Вы несете не веру и надежду, а разочарование. Мне жаль Вас.

ОН – Вы очень лестного мнения обо мне. Спасибо.

Нет, моя роль на земле гораздо скромнее, хотя может быть не менее несчастна.

ОНА – Несчастлива?

ОН – Да.

ОНА – Мне кажется, Вы сильно преувеличиваете.

ОН – Может быть, но почему Вам кажется, что Христос, и только он страдал больше всех?

ОНА – А кто же тогда... уж не Вы ли?..

ОН – При чем тут я?..

ОНА – Действительно, при чем тут Вы?..

Насколько я помню, Вы здесь уже отрекались от Христа.

ОН – Я говорил, что не люблю уксус.

ОНА – Что, болит желудок?

ОН – Нет, душа.

ОНА – А, ну это не опасно.

ОН – Вы так считаете?

ОНА – Да, по крайней мере, Вам не опасно...

ОН – Опять ошибаетесь – я не менее раним, чем сын Божий...

Что Вы на меня так смотрите?

ОНА – Ищу кровоподтеки.

ОН – Я сказал ранимый, а не раняемый.

ОНА – Вы меня не так поняли... Я искала кровь у Вас на ладони и под ребром... Впрочем, вероятно, это не обязательно...

Ведь возможны модификации Христа... без креста, гвоздей... так?..

ОН – Хотя бы...

ОНА – Вы что это, серьезно?

ОН – А почему бы и нет?

ОНА – Послушайте, Христос мечтал спасти человечество, облегчить ему страдания...

А Вы... Вы же ничтожество!..

ОН – Ничтожество... это все слова...

Вспомните, как называли Христа при жизни...

Не это главное. И даже не то, что он делал, как делал и во имя чего делал.

Важно другое – как потомки перетасуют факты.

ОНА – Ну, как бы там ни было, уверяю, у Вас слишком мало шансов попасть в историю.

ОН – Я не о себе.

ОНА – Вы меня успокоили, а то...

ОН – Просто Вам нужны символы – примитивные, легко усваиваемые...
И Ваш художник – тоже символ!

ОНА – По крайней мере, он в тысячу раз ближе к Христу, чем Вы!

ОН – В своих заблуждениях – да!!!

ОНА – Лучше заблуждаться, пытаясь сотворить добро, чем все разрушать и обливать грязью...

Посмотрите на себя – Вам 33... Что Вы сделали за это время, что создали? Ничего.

Вы только пачкали созданное другими! Вы гордитесь, что Вы мангуст... Нет, Вы не мангуст, нет!

Вы, скорее, удав – пресмыкаетесь, как змея, питаетесь прахом, как эти гады, но яда у Вас нет, понимаете – яда нет!..

И поэтому пользы от Вас никакой... Вы душили – медленно и безжалостно...

Вам подобные распяли Христа, а теперь Вы добиваете все, что осталось...

ОН – Не я, а мы!

Я сжимаю кольца, как удав, а Вы кусаете, как гадюка...

Кто же из нас, по-вашему, поступает благородно –

Вы или я? Не знаете?

Ну, тогда Вы подумайте, а я пойду... не собираюсь дальше испытывать Ваше терпение.

ОНА – Вы очень добры.

ОН – Да, это так, хотя Вы, конечно, думаете иначе.

ОНА – Да, я думаю иначе, я думаю, что Вы собираетесь уйти, потому что сюда могут войти... Вы трус!

ОН – Я пойду.

ОНА – Идите.

ОН – Я... я не хотел Вас расстраивать, поверьте...

Уверяю, больше Вы обо мне ничего не услышите...

ОНА – Никогда?

ОН – Что “никогда”?..

ОНА – Никогда не услышу?

ОН – Это зависит от Вас... если...

ОНА – При чем тут я – ведь Ваша цель художники.
Стало быть, Вас не будет слышно до следующего художника.

ОН – А у тебя уже есть кто-то на примете?

ОНА – А разве мы уже перешли на “ты”?

ОН – *(Пауза)* Простите. Так у Вас есть кто-то на примете?

ОНА – Нет... пока нет...

ОН – Ну так удачи Вам, коллега. *(Он собирается уйти.)*

ОНА – Спасибо... Просто... Вы рассказывали о мангустах.

ОН – Змеях...

ОНА – Да, и я подумала, что и завтра...

ОН – *(Берет руку, дружелюбно)* Хотите знать, что будет завтра?

ОНА – *(Резко)* Нет! Нет, не хочу!

ОН – *(Усмехнувшись)* Правильно...
(Поучительным тоном.) Только в шахматах полезно знать на несколько ходов вперед.
В жизни как раз наоборот...
А наивное человечество во все века чтит людей, умеющих предсказывать: ясновидцев, астрологов, синоптиков, наконец...
Впрочем, разве можно со всей уверенностью утверждать, что человечество все это время не совершало глупости.

ОНА – Вы сейчас говорили его словами...

ОН – В самом деле?..

ОНА – Но только он верил в разум, а Вы – нет.
Он верил в человека!

ОН – В человека...
Вам никогда не приходило в голову, что человек – это, как бы выразиться проще, ну “не венец природы”.
Что это всего лишь промежуточный этап между животным миром и чем-то действительно разумным.

Или наоборот, если все наоборот.
Если не человек, не образ и подобие Бога, а простейший микроб,
амеба – Венец Природы!

ОНА – Вы говорите ерунду!

ОН – Не исключено, и тем не менее.

Ведь согласитесь, смысл существования у нас и у этих
одноклеточных тварей один и тот же – есть и размножаться, жрать
и размножаться.

Только амеба это делает просто и естественно, а человек, только
пройдя через сеть надуманных барьеров и страданий.

Так посудите сами...

ОНА – Если Вы верите в то, что несете, – Вы опасный человек.

ОН – Нет, конечно, я не верю в то, что говорю.

И я не опасный. Я просто человек.

Впрочем, одно это уже опасно!

ОНА – Вы боялись его?

ОН – Нет, я был уверен, что разум победит.

А разум был на моей стороне. На нашей стороне.

И потом, таких, как мы, большинство.

И поэтому человечество развивалось по нашим законам.

А они – лишь приправа, чтобы пища лучше усваивалась, духовная
пища...

ОНА – Как Вы его ненавидите!

ОН – Мы оба его ненавидим.

ОНА – Нет, я... я люблю его...

ОН – Что?

ОНА – Я люблю его!

ОН – После того, что Вы сделали?..

Нет, нет, Вы бредите... Вы просто сошли с ума!

ОНА – Я люблю его!

ОН – Замолчите!!!

ОНА – Я люблю его!

ОН – Я не мог ошибиться! Я не мог ошибиться!

ОНА – Слышите, я люблю его!

ОН – Но мы проиграли, оба проиграли...

И знаете почему?..

Мы так и не смогли его, как следует убить...

ОНА – Боже мой, как я его люблю...

В последний раз вступает музыка.

Теперь они ее уже не слышат.

Через сцену проходит гид с толпой экскурсантов.

К О Н Е Ц